

**О ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.**

Всестороннее изучение высшего сословия предполагает исследование особенностей его менталитета. С этой целью были проанализированы записки ярославских дворян П. М. Азанчеевского и А. М. Черносвитова, а также дворянские письма периода конца XIX – начала XX в., выявленные в фонде Мусиных-Пушкиных Государственного архива Ярославской области. Всего было выявлено и введено в научный оборот 86 писем 18 авторов [1]. Большая часть авторов писем относилась к поместному благородному дворянству и занимала служебные должности среднего уровня. Адресатом большинства посланий был дворянин Ярославской губернии, крупнейший землевладелец, служивший при дворе, Алексей Алексеевич Мусин-Пушкин. Взаимоотношения участников переписки определялись родственными и дружескими связями, а также отношениями знакомства. В письмах затрагивались частично – деловые вопросы и вопросы служебной карьеры. Ценность этих писем состояла в том, что они являлись единым комплексом документов, возникших в одной среде, в один период времени.

Записки П.М. Азанчеевского и А.М. Черносвитова были написаны по просьбе губернских предводителей дворянства С. В. Михалкова и И. А. Куракина и датированы, соответственно, 4 мая 1898 г. и 2 января 1906 г. Обе записки имеют подписи составителей, а также регистрационные входящие номера [2].

П. М. Азанчеевский и А. М. Черносвитов в своих записках давали общую картину положения дворянства в российском обществе конца XIX – начала XX века, при этом они отстаивали интересы поместного дворянства. Однако вряд ли целесообразно рассматривать мнения П. М. Азанчеевского и А. М. Черносвитова только лишь как взгляды представителей поместного дворянства. На позиции авторов

могла влиять не только их принадлежность к поместному дворянству, но и уровень образования, служебная карьера, а также обстоятельства появления записок.

Записка мологского предводителя П. М. Азанчеевского была составлена во время подготовки ответа ярославского губернского предводителя дворянства на письмо председателя Особого Совещания по делам дворянского сословия председателя Комитета министров И. Н. Дурново. Записка А. М. Черносвитова была написана в связи с началом формирования организации Объединенного дворянства. Черносвитов представил ее губернскому предводителю дворянства незадолго до своего отъезда в подготовительную комиссию дворянского съезда, в работе которой он принимал участие.

П. М. Азанчеевский и А. М. Черносвитов имели сходные биографические данные. Они оба были примерно одного возраста, закончили Александровский лицей и получили юридическое образование, относились к категории крупных землевладельцев, имели семьи и являлись губернскими земскими гласными. И Черносвитов, и Азанчеевский принадлежали к благородному дворянству, были записаны в VI часть губернской родословной книги. Продолжительное время они занимали должности уездных предводителей, причем в один и тот же период: Черносвитов – пошехонского с 1890 по 1896 и с 1912 по 1917 гг., а Азанчеевский – мологского с 1887 по 1902 г. На момент составления записок Азанчеевский находился в чине статского советника, а Черносвитов – коллежского. Хотя Черносвитов в 1906 г. не являлся предводителем дворянства, но он, безусловно, также как и Азанчеевский, хорошо знал проблемы местного дворянства.

С целью установить, насколько актуальной являлась для дворянства поднятая в

записках П. М. Азанчеевского и А. М. Черносвитова проблематика, а также насколько типичными для поместного дворянства были их взгляды, на предмет сравнения были привлечены материалы съездов Объединенного дворянства. Был определен круг проблем, к которым обратились уполномоченные дворянских обществ, и прослежено восприятие этих проблем участниками съездов. Включенные в исследование материалы дворянских съездов охватили период с 1906 по 1912 гг. [3]. Сопоставление записок П. М. Азанчеевского и А. М. Черносвитова с материалами съездов организации Объединенного дворянства позволило установить значительное сходство поднятых проблем и методов их решения. Это дало возможность предположить, что позиции, высказанные в записках П. М. Азанчеевским и А. М. Черносвитовым, были характерны для широкого круга поместного дворянства.

Исследование источников включало в себя два этапа. На первом выявили круг проблем, затронутых авторами. На втором этапе было определено отношение дворян к затронутым проблемам.

Выяснилось, что в центре внимания П. М. Азанчеевского и А. М. Черносвитова оказались проблемы поместного дворянства благородного происхождения. В частности, авторы исследовали причины его упадка и место этого слоя дворянства в российском обществе на фоне других сословий и социальных групп. Среди этих сословий и групп оказались новые дворяне, польское и прибалтийское дворянство, интеллигенция, буржуазия, крестьяне и евреи. Отнесение евреев к одной из социальных групп российского общества объяснялось тем, что законодательством они воспринимались именно как социальная группа, а не как национальность [4].

Авторы записок оценивали положение поместного дворянства, а также других сословий и социальных групп через такие категории, как служба, землевладение и капитал, национальная принадлежность, роль социальной группы в истории стра-

ны, отношение к государственному строю, происхождение. При этом безусловный интерес представляла самооценка русского поместного благородного дворянства. Примечательно, что положение других сословий и социальных групп авторы записок рассматривали через призму мировоззренческих ценностей и представлений поместного дворянства.

Дворянские лидеры признавали упадок высшего сословия, однако при этом они расходились в оценке причин этого явления.

П. М. Азанчеевский связывал упадок высшего сословия прежде всего с влиянием внешних причин экономического характера: «ускользание» земельной собственности из рук поместного класса, переход центра тяжести от земли к капиталу, развитие промышленного класса, приток в ряды высшего сословия нового дворянства, еврейское влияние.

А. М. Черносвитов называл главной причиной кризиса не «оскудение», а «обломовщину» – уклонение от общественной и государственной жизни. А. М. Черносвитов считал, что дворяне утратили идею государственности; это проявилось в их отношении к службе. Они не смогли реализовать предоставленные правительством благоприятные возможности на должностях местного уровня.

В целом же П. М. Азанчеевский и А. М. Черносвитов связывали упадок дворянства с изменением роли высшего сословия в государстве. При этом оба автора считали кризис высшего сословия временным и выказывали надежду на возрождение дворянства.

Исходя из разной трактовки проблем дворянства, Азанчеевский и Черносвитов предлагали разные методы возрождения сословия. Мологский предводитель дворянства считал, что для возрождения высшего сословия была необходима «материальная и моральная поддержка» со стороны государства. Государство должно было поддержать дворянство, а дворянство, в свою очередь, возродило бы былую мощь государства.

Пошехонский предводитель полагал, что необходимо опереться на силы самого сословия, отказаться от «обломовщины» и занять активную позицию в государственной и общественной жизни страны. Без этого экономическая помощь правительства высшему сословию бесполезна. По оценке Черносвитова, правительство уже и так оказало посильную помощь дворянству, и теперь задачей дворянства было сделать все возможное для возрождения сословия и государства.

Следовательно, авторы связывали воедино благополучие государства и дворянства. Возрождение поместного дворянства и усиление государства они рассматривали как единый процесс. По их мнению, высшее сословие было опорой самодержавия, но одновременно и государство должно было являться опорой для дворянства.

Оценки дворянства, содержащиеся в записках П. М. Азанчеевского и А. М. Черносвитова, отражали неоднородность высшего сословия. Авторы записок полагали, что в полной мере к высшему сословию относились только представители поместного, великорусского и малорусского дворянства, служившие на благо своего Отечества и принадлежавшие к благородным родам.

С точки зрения национальной принадлежности, наибольшее недоверие у авторов вызывало прибалтийское и польское дворянство. П. М. Азанчеевский считал, что они не испытывали убыли дворянского землевладения, были основой центробежных стремлений, а по оценке государственных заслуг предков не могли быть поставлены в один ряд с великорусским или малорусским дворянством. А. М. Черносвитов также выказывал недоверие по отношению к прибалтийскому и польскому дворянству, однако при этом ставил в пример их систему хозяйствования [5].

Вероятно, негативное отношение к польскому и прибалтийскому дворянству стимулировалось политикой самодержавия в отношении дворянства этих национальностей.

Неоднозначным было и отношение к служилому дворянству. П. М. Азанчеевский считал, что новые дворяне, при всех своих умственных и душевных качествах, в бытовом отношении все-таки не переставали быть особым классом, имевшим мало общего с поместным дворянством. Здесь проявилось негативное отношение поместного дворянства благородного происхождения к чиновничеству. Мологский предводитель пренебрежительно отзывался о способе приобретения дворянства чиновниками. Они, по его мнению, «высидели право на дворянство в разных присутственных местах». Азанчеевский воспринимал их как безликую массу («Сонмы новых дворян, ежегодно приобретающих это право благодаря табели о рангах») и считал, что пока выходцы из бюрократии не «садились на землю, они находились в полускрытом антагонизме к поместному классу» [6].

Следовательно, авторы записок осознавали неоднородность высшего сословия в конце XIX – начале XX в. и ревностно отделяли русское поместное дворянство благородного происхождения от прочих категорий высшего сословия. При этом они демонстрировали, что прочие категории дворянства не вписывались в воспринятый ими облик высшего сословия, то есть не принадлежали к категории русских землевладельцев благородного происхождения, служивших на протяжении столетий царю и Отечеству.

П. М. Азанчеевский следующим образом определил место высшего сословия в российском обществе конца XIX – начала XX в.: дворянство, являясь оплотом государственного строя, должно вместе с прочими общественными классами в качестве «лучших» людей русской земли служить общему народному делу. А. М. Черносвитов же рассматривал дворянство как одну из частей государственного организма, с определенными правами, привилегиями и обязанностями [7].

Оценивая другие сословия и социальные группы, предводители дворянства срав-

нивали их положение с положением помещного благородного дворянства.

Наибольшую неприязнь среди сословий и социальных групп у П. М. Азанчеевского вызывали евреи, при этом внимание обращалось не только на национальную принадлежность, но и на влияние их в экономике. Они воспринимались не только как угроза для высшего сословия, но и для государства в целом, при этом могольский предводитель смешивал воедино экономические и политические проблемы [8].

Негативную оценку Азанчеевский давал и буржуазии. Он расценивал промышленный класс как конкурента высшего сословия. Могольский предводитель был озабочен растущим влиянием буржуазии в обществе и государстве и одновременным снижением, в связи с этим, роли высшего сословия. Его явно задевал тот факт, что представители промышленного класса, имея менее благородное происхождение и получая прибыль из неземледельческих отраслей, претендовали на высокое положение в российском обществе [9].

Как при характеристике евреев, так и промышленного класса Азанчеевский отводил помещному дворянству роль жертвы обстоятельств. Он полагал, что помещное дворянство несет свой крест во имя благополучия Отечества, упорно сохраняя за собой статус землевладельца. Пренебрежительно П. М. Азанчеевский относился к интеллигенции. Переход части дворянского сословия в класс интеллигенции рассматривался им как регресс. Он утверждал, что «помещик, утративший землю, как бы далеко ни восходила его родословная, терялся в рядах так называемой интеллигенции и ничем не отличается от любого русского подданного, получившего аттестат зрелости» [10].

Наиболее лояльно П. М. Азанчеевский и А. М. Черносвитов воспринимали крестьянство. В их оценках крестьяне были представлены как малообразованная масса, неспособная грамотно и правильно отстаивать свои интересы. Авторы по от-

ношению к крестьянству занимали позицию опекуна, граничившую с позицией барина. По всей вероятности, такое восприятие крестьян объяснялось как традициями крепостного права, так и ролью высшего сословия в области местного управления в конце XIX – начале XX в. Однако авторы записок демонстрировали, что им известны проблемы крестьянства. Они заявляли о том, что готовы оказать крестьянам определенную помощь и поддержку. По-видимому, это обуславливалось сходными аграрными интересами, контактами и определенной степенью зависимости друг от друга обоих сословий.

П. М. Азанчеевский полагал, что без помещика жизнь крестьян осложнится: Не будет посредника «между простым мужиком и не понимающим его чиновником». А. М. Черносвитов также видел необходимость помощи крестьянам. При этом следует учесть, что на его мнение повлияли события 1905 г. в деревне. Указывая на погромы, он полагал, что нельзя считать всех крестьян погромщиками. Для подъема правовой культуры крестьянства и уважения ими права частной собственности он предлагал принцип воспитания, а не наказания. Для решения аграрного вопроса А. М. Черносвитов допускал «принудительное отчуждение помещичьих земель». Кроме того, он обратил внимание на неудовлетворительную службу земских начальников, вызвавшую презрение и злобу населения, тем самым, по его мнению, они уронили престиж дворянства и вызвали ненависть со стороны крестьян. Из этого можно сделать заключение, что Черносвитов возлагал часть ответственности за произошедшие революционные события в деревне на дворянство.

Таким образом, в записках П. М. Азанчеевского и А. М. Черносвитова отразилась неприязнь помещного дворянства по отношению к буржуазии, евреям, интеллигенции и различным категориям дворянства. Критикуя каждую из этих групп, авторы записок невольно называли и их сильные стороны, тем самым констати-

руя тот факт, что в российском обществе конца XIX – начала XX в. существовали социальные группы, которые по уровню благосостояния и образования не уступали поместному благородному дворянству. По-видимому, авторы записок связывали усиление каждой из этих групп с вытеснением поместного дворянства с ведущих позиций в экономической и общественно-политической жизни страны. Желание же представителей поместного дворянства продемонстрировать свое преимущество над этими группами, в конечном итоге, свидетельствовало о непрочности позиций поместного дворянства, отсутствии абсолютной уверенности в собственном превосходстве.

Несмотря на то, что авторы записок признавали усиление других социальных групп и классов, они по-прежнему отводили поместному благородному дворянству значительную роль в российском обществе. Об этом свидетельствовала самооценка представителей поместного дворянства. Так, П. М. Азанчевский и А. М. Черносвитов видели высшее сословие элитой российского общества, при этом считали, что во многом к такому положению дворянство обязывали их сословные традиции.

Авторы записок признавали за дворянством преимущественное право службы в провинции. Она рассматривалась дворянскими лидерами как миссия, доверенная государством высшему сословию. Поместные дворяне воспринимали себя не просто управленцами, а хозяевами уезда, хотя и не всегда добросовестными. При этом позиция хозяина, зачастую, граничила с позицией барина. В то же время в среде дворянства происходило формирование идеи ответственности за службу на местном уровне не только перед властью, но и перед населением. Мотивами службы были как материальные выгоды, так и служба за идею.

Важной ценностью для поместного дворянства являлась земля. Во многом именно через призму отношения к земле они оценивали сословия и социальные группы. Земельную собственность поме-

стное дворянство рассматривало не только как источник доходов, но и как показатель положения в обществе, поэтому становится понятным, почему дворянство так настойчиво поднимало проблему «оскудения» дворянства. По мнению Азанчевского, земельная собственность являлась одним из важных признаков принадлежности к высшему сословию.

В целом записки отразили гетерогенность социального состава высшего сословия в конце XIX – начале XX в. Поместное дворянство в этот период представляло собой несколько групп, отличавшихся друг от друга происхождением, имущественным положением и национальностью. В то же время, по мнению авторов записок, в дворянской среде все еще сохранялись определенные сословные отличия и корпоративная обособленность. Однако в полной мере наличие определенных отличительных признаков сословной принадлежности признавалось только за русским поместным дворянством благородного происхождения. Эту группу авторы записок выделяли на фоне других групп высшего сословия, тем самым демонстрируя ее обособленность. Отношение к остальным группам дворянства, а также другим сословиям и классам определялось их национальностью, способами приобретения материальных благ и лояльностью к правящему режиму. В то же время авторы записок проявляли готовность соблюдать определенные обязательства, вытекавшие из особых задач сословия. Все это свидетельствовало о том, что в сознании поместного дворянства благородного происхождения сосуществовали как традиционные сословные, так и буржуазные представления и ценности, причем последнее ярче проявлялось, когда авторы записок высказывались в отношении других сословий и классов. Если же речь шла о дворянском поместном землевладении, сословных разрядах, службе на местном уровне, то здесь преобладало консервативное сословное мышление. Поэтому авторы записок, осознавая трансформацию российского общества и

отмечая изменения в экономике, все же упорно продолжали отстаивать прежние позиции высшего сословия в стране.

Поместное дворянство, о котором писали П. М. Азанчевский и А. М. Черносвитов, действительно, в определенной степени, составляло единое целое. Однако связывали его скорее не общая разрядная, имущественная и национальная принадлежность, как полагал Азанчевский, и не «обломовщина и утрата идеи государственности», как считал Черносвитов, а определенная общность менталитета.

К особенностям такого мировоззрения могут быть отнесены следующие черты: недовольство положением дворянства в российском обществе, уверенность в «оскудении» помещного дворянства, осознание необходимости службы на местном уровне, вера в потенциал и возрождение высшего сословия, связывание дальнейшего развития дворянства с развитием государства, трепетное отношение к историческому прошлому сословия.

Это подтверждается результатами анализа дворянской переписки. Было установлено, что чаще всего обсуждались вопросы жизнедеятельности имений: подбор управляющих, продажа и раздел имения, сельскохозяйственные вопросы, крестьянские волнения. Кроме того, достаточно часто в письмах затрагивались проблемы трудного материального положения дворян, карьеры и службы, деятельности сословной и земской организаций, увлечения авторов писем.

В письмах, посвященных подбору управляющих, содержались характеристики их кандидатур, дворянские жалобы друг другу на нерадивых управляющих, обсуждался размер их содержания, выражались надежды на перемены в имении в связи со сменой управляющего. При подборе управляющего существенную роль играли его образование и опыт практической работы в должности. Немаловажное значение имела характеристика, которую давал управляющему кто-либо из близких знакомых, принадлежавших к помещному дворянству. О том, насколько

важным являлся вопрос подбора управляющего, свидетельствовал тот факт, что зачастую дворяне лично ручались за рекомендуемого управляющего. Все это свидетельствовало о том, с каким вниманием относились помещики к своему хозяйству. Важной для помещного дворянства была проблема купли-продажи и раздела имения. Так, во внутрисемейной переписке Мусиных-Пушкиных вопрос о судьбе имения оставался актуальным на протяжении достаточно долгого времени.

В переписке за 1905 г. упомянуты крестьянские волнения, при этом свои собственные проблемы авторы проецировали на государственный уровень. Они выражали надежду на помощь государства, однако в то же время были обеспокоены не только тем, что страдали их имения, но и тем, что государство находилось в кризисном состоянии. Применительно к сельскохозяйственной тематике в дворянской переписке зафиксировано обсуждение вопросов о правильном подборе семян и отправке сельхозпродукции.

Определенное место в дворянской переписке занимали вопросы службы. Как правило, они были посвящены участию дворянства в деятельности сословной и земской организаций, а также вопросам карьеры. Чаще всего в дворянской переписке вопросы службы на местном уровне поднимались в связи с выборами. Вопросы избрания уездного предводителя дворянства и председателя земской управы представлялись дворянам весьма важными и решались заранее, путем неформальных контактов. Письма зафиксировали наличие противоборствующих по этим вопросам групп. При этом стремление контролировать ответственные должности диктовалось скорее желанием не допустить к ним противоборствующую группу, чем глубокими политическими разногласиями. Письма также отразили ограниченность возможного круга претендентов на должности председателя земской управы и предводителя дворянства и в целом все же низкий престиж этих должностей.

В переписке А. А. Мусина-Пушкина встречались просьбы оказать содействие в карьере и узнать намерения вышестоящего начальства, свидетельствовавшие о том, что определенную роль в успешной дворянской карьере играли знакомства.

Взаимоподдержка участников переписки проявлялась и при обсуждении финансовых вопросов. В письмах встречались жалобы дворян на трудное материальное положение, просьбы об одолжении денег, а также благодарности за материальную помощь, хотя необходимо отметить, что с такими просьбами к А. А. Мусину-Пушкину обращались не только представители высшего сословия, но и лица, служившие у графа.

Письма зафиксировали и увлечения авторов. Наиболее часто в переписке А. А. Мусина-Пушкина встречалось такое увлечение, как коллекционирование, причем предметы антиквариата для своей коллекции он искал через знакомых как в России, так и за границей. Кроме того, в письмах отмечены новые для изучаемого периода увлечения (фотография и велосипед), которые следует признать достаточно дорогими и поэтому доступными только состоятельным представителям высшего сословия. К категории увлечений помещного благородного дворянства относились и их изысканные гастрономические наклонности. В письмах встречались просьбы о высылке, в том числе и из-за границы, определенных сортов вина, табака и сыра. В этой связи необходимо отметить, что в дворянской переписке как заметное событие повседневной жизни встречалось описание обеда, при этом авторы писем обращали внимание на то, с кем они обедали. Актуаль-

ным для состоятельных дворян был и вопрос о найме прислуги.

Некоторую специфику имели письма, авторами которых были дворянки. Всего было выявлено 16 писем. Все они были адресованы А. А. Мусину-Пушкину. Тринадцать из них принадлежали жене А. А. Мусина-Пушкина – Варваре Васильевне, еще два его сестре Лилии Алексеевне и одно письмо М. И. Ушаковой. В отличие от большинства мужских писем, женские письма, с точки зрения социальной функции переписки, как правило, представляли собой событийно-бытовое повествование. В определенной степени они отразили круг проблем и интересов адресата и отправителей. В них содержались просьбы о высылке денег, рассказы о встречах со знакомыми, описание поездок по России и за границе, быта, здоровья, любовных чувств, обсуждение вопросов о подборе управляющего имением и прислуги, о покупке вещей для коллекции А. А. Мусина-Пушкина.

Анализ писем представителей помещного благородного дворянства позволил сделать вывод об обособлении этой группы дворянства от других групп высшего сословия. Эта обособленность базировалась на общности материальных и служебных интересов, увлечений, родственных связей и знакомств, а также на единстве определенных мировоззренческих установок. Вышеназванные факторы позволяли представителям помещного благородного дворянства дольше, по сравнению с другими группами дворянства, поддерживать в своей среде традиции и нормы высшего сословия.

Библиографический список

1. ГАЯО, ф. 714, оп. 1, д. 129, 144, 148, 156, 164, 203, 204, 205, 207, 233, 239, 241, 296, 308, 345, 359, 375.
2. ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 10 – 21; д. 1003, л. 18 – 30.
3. Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906 – 1912 гг. В 3 тт. М., 2001.
4. Свод Законов Российской империи, т. IX, ст. 14, прим; Г.Блосфельдт. Сборник Законов о российском дворянстве. Спб., 1901. с. 151, 226.
5. ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 12, 16; д. 1003, л. 25 – 25 (об.), 30.
6. ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 18.
7. ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 15 (об.) – 16; д. 1003, л. 25 (об.).
8. ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 17 (об.).
9. ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 16 (об.) – 17.
10. ГАЯО, ф. 214, оп. 1, д. 951, л. 18.